

Н. В. Воробьева

Образ патриарха Никона в вузовских учебниках

Особое место в историографии занимает образ патриарха Никона в вузовских учебниках. В системе образования и массовой медийной культуре транслируются редуцированные идеологические версии исторического прошлого России. Изучение исторической личности сквозь призму научной и учебной литературы позволяет обратить внимание не только на черты риторической общности исторического нарратива, но и на способы формирования концепций истории России, условия их трансляции и закрепления в историческом образовании¹. В учебниках содержится доминирующая в историографии на данный момент точка зрения, мнение авторов учебников подается четко, с отточенными формулировками и выводами, что не всегда можно усмотреть в научных и научно-популярных изданиях².

Образ патриарха в отечественной исторической науке во многом определялся негативным эмоционально-окрашенным стереотипом патриарха, представленным старообрядческой традицией «хуления». Данный стереотип репрезентирован в полемической литературе во второй половине 60-х – 70-е гг. XVII в. («еретик», «антихрист», «алхимик», «прелюбодеец», «властолюбец», «мучитель и убийца»). На протяжении XVIII–XIX вв. тщательно разрабатывалась линия «антижитийной» литературы, где патриарх Никон описывается как реформатор, бежавший в лютеранскую веру. В рамках самопрезентации самодержавной власти XVII в. разрабатывалась национальная мифология с концепцией надконфессионального государства. Одной из составляющих нарратива власти было создание образов «культурного героя» и «культурного антигероя». В период междупатриаршества (1658–1666 гг.) государственная власть в лице царя Алексея Михайловича воспользовалась услугами Паисия Лигарида для создания образа патриарха Никона как

Воробьева Наталия Владимировна, к.и.н., докторант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Эл. почта: nat_vorobiova@mail.ru

¹ *Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе. Материалы международной конференции. Москва, 15–17 сентября 1998 г. М., 2000; Зверева Г. Конструирование культурной памяти: «наше прошлое» в учебниках российской истории // Новое литературное обозрение. 2005. № 74.*

² *История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: рекомендуемый указатель для учителей. М., 1983; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1983; История России с древнейших времен до второй половины XIX в.: курс лекций. Екатеринбург, 1999; История России с древнейших времен до XIX в. М., 1999; История России с древнейших времен до 1861 г. М., 2000.*

«паписта», «зарвавшегося властолюбца». Личность патриарха Никона, превращенная в социокультурный архетип, предполагала априорное игнорирование индивидуально-авторского видения мира. Социокультурный архетип Никона как «культурного антигероя» представал в эмоционально-нагруженном виде, недоступном для авторской рационализации поведенческом коде. В пространстве конфликта привычные структуры заполнялись чужеродной культурной традицией.

Для историков XVIII – первой половины XIX в. патриарх Никон – властолюбивый теократ, посягнувший на царскую власть. Однако в народном почитании патриарха Никона как местночтимого святого зарождалась традиция апологетики патриарха параллельно с официальной критической традицией. С 60-х гг. XIX в. наблюдается выстраивание образа равнозначности фигур патриарха Никона и протоппа Аввакума, причем с обозначением культурно-идеологического комплекса старообрядческих произведений. Протопоп Аввакум – не просто мученик раскола, он – крупнейший идеолог этого общественного движения XVII в. Патриарх Никон – не идеолог, а организатор литургической реформы, вызвавшей раскол не только в церкви, но и в обществе. При этом литературное наследие патриарха Никона практически полностью игнорируется, либо оценивается как незначительное (С.М. Соловьев, Макарий (Булгаков), Н.Ф. Каптерев), но за основу берутся положения, высказанные Паисием Лигаридом. Авторами критического направления без опоры на первоисточники создавалась псевдо-идеологическая система «священство выше царства» якобы выраженная воззрениями и деяниями патриарха Никона с претензией на главенство в государстве и обществе.

В рамках апологетического направления (Н.И. Субботин, Н.А. Гиббенет, В. Палмер) создавался методологический аппарат, способствующий возможному осмыслению источниковой базы. Наконец было издано на русском и английском языках подлинное «Судное дело» патриарха Никона (не полностью); «Житие» И.К. Шушерина; создан музей патриарха Никона. Патриарх стал рассматриваться как, прежде всего, православный пастырь, Предстоятель, церковный, а не государственный деятель.

В послеоктябрьский период в отечественной историографии возобладала марксистская методология исследований. Пересекались теоретико-методологические направления альтернативные марксизму, исследование деятельности предстоятелей Русской церкви было невозможно по идеологическим причинам. Личность и воззрения патриарха Никона (причем в сильно упрощенном виде) упоминались только в связи с церковной реформой, которую рассматривали как продукт централизации, проводившейся господствующим классом и тесно связанной с внешнеполитическим курсом правительства, нацеленным на усиление влияния на Украине. Если рассмотреть работы 1920–1930-х гг., в боль-

шинстве случаев упор делался на экономические отношения и конфликт между светским и церковным землевладением¹. Проблематика учебных курсов концентрировалась вокруг изучения истории классово-борьбы, со студенческой скамьи вырабатывался навык идти от установленной схемы исторического процесса, подтверждая ее фактами и отвергая те из них, которые ей противоречили. Фигура патриарха Никона рассматривалась преимущественно в контексте раскола как народного крестьянского, движения². О патриархе Никоне лишь упоминали при рассмотрении частных проблем конфликта государственной и архиерейской власти³, но в большей степени – революционного староверческого движения, гонителем которого он якобы являлся. Современная периодизация выделяет три этапа старообрядческого движения: 1653–1663 гг. – внутрицерковная борьба вокруг Никоновых «справочных дел»; 1664–1682 гг. – расширение конфликта в социально-политическую среду; 1683–1698 гг. – консолидация старообрядческих общин, вовлечение народных масс⁴. Таким образом, Никон, удаленный с патриаршего престола в 1658 г. гонителем старообрядческого движения не был. Продолжал развиваться негативно окрашенный стереотип в качестве части научного мифа, санкционированного еще в XVII столетии светским государством

¹ Попов Н.Г. Изменяемость канонов в отношении к церковным преобразованиям. Самара, 1926; Кандидов Б. Обогащение дома Романовых. М., 1927; Каменев С.А. Церковь и просвещение в России. М., 1930; Дмитрев А. Церковь и крестьянство на Руси. М.-Л., 1931; Заозерский А.И. Царская вотчина XVII века. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937; Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партийное изд-во, 1933. С. 63–66.

² Очерки истории СССР: период феодализма. XVII век. М., 1955; Анкудинова Л.Е. Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в Русском государстве третьей четверти XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951; Она же. Общественно-политические массы первых раскольников и народные массы // Ученые записки ЛГУ. 1959. Вып. 32. № 27. С. 60–83; Чаев Н.С. Церковный раскол и Соловецкое восстание // Очерки истории СССР. XVII век. М.: АН СССР, 1955. С. 312–325; Барсуков Н.А. Соловецкое восстание (1668–1676 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960; Катунский А.Е. Сущность старообрядчества и пути преодоления его идеологии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск. 1962; Бахтинский В.С., Молдавский Д.М. Старообрядческие народные легенды о начале раскола, табаке и брадобритии // ТОДРЛ. Т. 14. 1958. С. 421–422; Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969; Коган Ю.Я., Грекулов Е.Ф., Миловидов В.Ф. Церковь и русский абсолютизм в XVIII веке // Церковь в истории России. М., 1967.

³ Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964; Стешенко Л.А. О предпосылках абсолютизма в России // Вестник МГУ. Сер. 10. Право. М., 1965. № 3.

⁴ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 27–29.

как часть структуры политического мифа, являющегося в свою очередь частью «цивилизационной картины мира»¹.

Тезис о «Никоне – временщике», заимствованный из дореволюционной критической традиции, оказался востребованным: например, Н.П. Киселев в статье «О Московском книгопечатании XVII века» пишет о патриархе Никоне как о властолюбивом закоренелом феодале². В 1961 г. Н.В. Устюгов и Н.С. Чаев в статье «Русская церковь в XVII в.» характеризуют патриарха Никона как властного, высокомерного и грубого временщика³, ссылаясь на Ивана Неронова по «Материалам для истории раскола...». Авторы предлагают рассматривать как возвышение, так и падение Никона через призму внешнеполитической обстановки. Они приводят выдержки из «Возражения или Разорения», цитируя его по работам митрополита Макария (Булгакова) и Н.Ф. Каптерева. Общий смысл идеологических воззрений патриарха они сводят к «католическим, папистским» рассуждениям⁴. При такой трактовке Никоном концепции «симфонии властей» не могло быть и речи о возвращении его на патриарший престол. Старообрядцы же ненавидели Никона за его «высокомерие и жестокость»⁵.

По сути, от историков требовалось создание виртуального образа прошлого, отвечавшего потребностям мифологизированного сознания и позволявшего манипулировать им. Этот образ мог в той или иной степени подтверждаться историческими источниками. В период 1960–1980-х гг. работы историков по проблеме множилось, но в них тиражировались традиционные подходы, причем некоторые из выводов были лишь повторением выкладок дореволюционных авторов в лучшем случае со ссылкой на них. Узкий спектр оценок патриарха Никона варьировался лишь в нюансах.

В первой половине 1980-х гг. историками предпринимались попытки рассмотреть некоторые сочинения патриарха Никона как исторический источник⁶. Проблема личности и воззрений патриарха Никона в учебниках место уделялось по остаточному принципу⁷. В учебнике 1983 г. под редакцией академика Б.А. Рыбакова проблеме церковных преобразова-

¹ Шмидт В.В. Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации. Автореферат дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007. С. 7.

² Киселев Н.П. О Московском книгопечатании XVII в. // Книга. Исследования и материалы. Сб. 2. М., 1960. С. 163.

³ Устюгов Н.В., Чаев Н.С. Русская церковь в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 295–329; Очерки русской культуры. М., 1979. Ч. 2. С. 313, 315.

⁴ Устюгов Н.В., Чаев Н.С. Русская церковь в XVII в. С. 320.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ Румянцева В.С. Патриарх Никон и ростовский митрополит Иона (предварительные заметки и наблюдения над источниками) // История и культура Ростовской земли. 1995. Ярославль, 1996. С. 118–124.

⁷ Кабанов П.И., Казаченко А.И., Мавродин В.В., Павленко И.И. История СССР. Ч. 1: С древнейших времен до 1861 г. М., 1978. С. 275–276.

ний середины – второй половины XVII в. уделено две страницы в § 5 «Самодержавие и церковь. Раскол» 17-й главы «Внутренняя политика и классовая борьба». Патриарх Никон характеризуется как умный, начитанный, энергичный государственный деятель, отличавшийся «огромным властолюбием». Пока Никон пользовался поддержкой царя, его главенствующее положение в церкви было достаточно прочным. Дело изменилось, когда Никон стал посягать на разделение светской власти с государем. Он не только присвоил себе титул «великого государя», но и самостоятельно действовал в решении государственных вопросов. Никон открыто говорил о превосходстве духовной власти над светской и выказывал недовольство политикой в отношении церковного землевладения. «Корыстолюбие», «властность» Никона, его суровые меры против «ослушников» вызвали недовольство у массы духовенства и ослабляли его позиции. Переоценив силу своего влияния, Никон демонстративно отказался от патриаршества и уехал в Воскресенский монастырь, надеясь, что его призовут обратно. Но по инициативе царя в 1666–1667 гг. в Москве был созван Собор вселенских патриархов, который осудил Никона и снял с него патриарший сан ¹. О восстановлении Никона в патриаршем достоинстве в 1682 г. не говорится ни слова.

Со времен перестройки история Церкви вновь становится актуальной темой для исследования ². Поворотным рубежом в отечественной историографии жизни Русской православной церкви стало празднование 1000-летия крещения Руси. К 1000-летию крещения Руси была выпущена книга «Русское православие: вехи истории» под редакцией А.И. Клибанова, авторы которой задались целью рассмотреть историю православной церкви «в аспекте ее роли и функций в русском историческом процессе на разных этапах его развития» ³. Христианство рассматривается как историческое явление, книга стала своеобразным итогом советской историографии. Написанная в рамках традиционного для советской науки методологического подхода, она лишена принципиально новых выводов и обобщений. Одна из ее глав, посвященная XVII в., была написана М.Я. Волковым ⁴. В ней автор характеризует церковь как идейный штаб русской государственности, а внешнеполитический курс России, нацеленный на присоединение Украины и Белоруссии, связывает с проведе-

¹ История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Учебник / под ред. Акад. Б.А. Рыбакова. М.: Высш. Школа, 1983. С. 244–245.

² Богданов А.П. К полемике конца 60-х – начала 80-х годов XVII в. Об организации высшего учебного заведения в России: Источниковедческие записки // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. М., 1986; Борисов Н.С. Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII веков. М., 1988.

³ Русское Православие: Вехи истории. М., 1989. С. 7.

⁴ Волков В.Я. Русская Православная Церковь в XVII веке // Русское Православие: Вехи истории. С. 153–220.

нием церковной реформы и преодолением религиозно-обрядовых расхождений между русской, малороссийской и греческой церквями. М.Я. Волков настаивает на тезисе о том, что Русская православная церковь была конкурентом государства в области феодальных отношений, в период упадка феодализма и перехода страны к капитализму, церковь сохраняла свои позиции идейного штаба российской государственности, во многом определяя политику страны. Обладая огромными богатствами, она была заинтересована в сохранении своих позиций, как в идеологической, так и в политической, и социально-экономической областях. Однако такое положение шло вразрез с интересами мелкого служилого сословия – опоры самодержавия. В результате этого противоречия к середине XVII в. Церковь потеряла ряд своих привилегий. Проведение церковной реформы диктовалось внешнеполитическим курсом государства и было невозможно без тесного союза с церковной властью, уступка которой со стороны самодержавия предопределила возвышение Никона. Впервые в советской историографии отмечается, что патриарх Никон был идейным вдохновителем присоединения малороссийских земель – нес определенную ответственность за реализацию внешнеполитической программы. Поэтому волна военных и дипломатических неудач, наступившая в 1656–1657 гг., привела к падению патриарха.

В стандартах учебных дисциплин первой половины 1990-х гг. «история» была представлена как «История мировых цивилизаций», в контексте которой изучалась история России, поэтому изучение традиционных сюжетов отечественной истории было значительно сокращено, например, в учебнике 1992 г. патриарху Никону в общем контексте церковных преобразований и раскола Русской православной церкви уделена лишь одна страница ¹. В учебнике 1997 г. глава «Россия в конце XVII – первой четверти XVIII в. Петровские преобразования» ² проблеме уделен один абзац: «...во второй половине XVII в. произошёл конфликт между руководством церкви и государством. Московский патриарх Никон выдвинул и яростно отстаивал идею независимости и руководящей роли церкви в государстве. Имея огромное личное влияние на царя, Никон сумел добиться титула “великого государя”, что ставило его почти в равное положение с царем Алексеем Михайловичем».

Советские исследователи внесли существенный вклад в разработку социально-политической стороны проблемы, обогатили источниковую базу изучения старообрядчества, но по идейным, духовным аспектам, теологическим спорам и особенностям национальной картины мира, как

¹ Дворниченко А.Ю., Каценко С.Г., Кривошеев Ю.В., Флоринский М.В. История России с древнейших времен до начала XX века: Пособие для абитуриентов. СПб., 1992. С. 119.

² Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник. М., 1997. С. 140–149.

старообрядцев, так и патриарха Никона исследования не осуществлялись. История культуры, а в том числе и духовной культуры не относилась к числу тем первостепенного порядка в системе официальной исторической науки. Гипертрофированный классовый подход, опора на марксистскую идеологию как единственно верную, включение политической лексики в исторический нарратив приводили к своеобразной квазиполитизации религиозно-философской мысли второй половины XVII в. Только в последней четверти XX – начале XXI в. в результате смены парадигмы появились возможности для исследования и осмысления исторического прошлого и его наследия с использованием соответствующего объекту и предмету исследования методологического аппарата. Постепенно преодолевается идеологическая ангажированность, расширяется источниковая база, увеличивается объем публикаций источников, что и делает возможным изучение богословского наследия патриарха Никона ¹.

¹ Шмидт В.В. Религиозно-философские воззрения и система богословия Патриарха Никона. Дис. ... канд. филос. наук. М., 2000; *Он же*. Патриарх Никон. М., 2004; *Он же*. Патриарх Никон и его наследие...; Воробьева Н.В. Церковные реформы в России в середине XVII века: идейные и духовные аспекты. Омск, 2002. С. 27–62, 123–138; *Она же*. Личность патриарха Никона в отечественной историографии. Монография. Омск, 2007; *Она же*. Историко-канонические и богословские воззрения патриарха Никона. Омск, 2008; Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследования и тексты. М., 2007.